

На правах рукописи

Иванова Мария Николаевна

**Варианты лирической песни «Сон молодца»
в фольклорных традициях России:
проблемы музыкальной типологии и стиля**

Специальность 17.00.02 — Музыкальное искусство

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата искусствоведения

Санкт-Петербург
2022

Работа выполнена на кафедре этномузыкологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургская государственная консерватория имени Н. А. Римского-Корсакова»

Научный руководитель: **Лобкова Галина Владимировна** — доцент, кандидат искусствоведения, заведующий кафедрой этномузыкологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургская государственная консерватория имени Н. А. Римского-Корсакова»

Официальные оппоненты: **Пашина Ольга Алексеевна** — доктор искусствоведения, ученый секретарь Федерального государственного бюджетного научно-исследовательского учреждения «Государственный институт искусствознания»

Жиганова Светлана Александровна — доцент, кандидат искусствоведения, доцент кафедры сольного и хорового народного пения Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Краснодарский государственный институт культуры»

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московская государственная консерватория имени П. И. Чайковского»

Защита состоится «27» июня 2022 года в 15.30 на заседании Совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Д 210.018.01 при ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургская консерватория имени Н. А. Римского-Корсакова» по адресу: 190068, Санкт-Петербург, ул. Глинки, д. 2, литер "А"

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова и на сайте:

https://www.conservatory.ru/sites/default/files/uploads/dissovet/Текст_диссертации_%20Иванова%20МН.pdf

Автореферат разослан « _____ » _____ 2022 года

Ученый секретарь Совета по защите диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук Д 210.018.01
при Санкт-Петербургской государственной
консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова,
кандидат искусствоведения

Редькова Евгения Сергеевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

Богатейший пласт народной музыкальной культуры России составляют лирические песни — один из самых распространенных и сохранившихся в живом бытовании жанров русского фольклора. Сравнительные исследования лирических песен по совокупности вариантов проводятся с середины XIX века и не потеряли актуальности в настоящее время. Краеугольным является вопрос о том, обнаруживают ли сходные в поэтическом отношении образцы стилевую общность и типологическое родство на различных уровнях музыкальной формы. Решение этого вопроса требует привлечения максимально полного объема вариантов, относящихся к региональным фольклорным традициям России.

Современное состояние этномузыкологии позволяет значительно расширить круг источников, повысить достоверность нотной записи, провести сопоставление напевов, опираясь на сложившиеся методы моделирования мелодических и композиционно-ритмических структур. Такие исследования дают возможность раскрыть проблему формирования лирической песни как особого жанра музыкального фольклора, рассмотреть варианты в их региональном разнообразии, проследить соотношение поэтического текста и напева, изучить взаимосвязь лирических песен с более ранними жанрами, в том числе с календарными песнями и музыкальным эпосом.

Объектом исследования служат закономерности бытования и исторического развития лирических песен в системе региональных песенных традиций России.

Предметом исследования являются стилевые особенности и типологические отношения вариантов лирических песен, объединенных сюжетом «Сон-предзнаменование несчастливой судьбы (солдатства/гибели) молодца» и зафиксированных в традициях различных регионов России (в Архангельской, Волгоградской, Вологодской, Воронежской, Кировской, Оренбургской, Псковской, Ростовской, Смоленской, Тверской, Ульяновской областях, Краснодарском, Ставропольском краях, Республике Ингушетия, Республике Коми, Чеченской Республике). Данный сюжет в рамках диссертации получает условное наименование — «Сон молодца», при этом песни могут иметь различные зачины («Ноченька не спится мне», «Спородила матушка единого сыночка», «Сегодняшнюю ноченьку мне мало спалось», «Мало-мало мне ночку спалось», «Ехал-ехал молодец на добром коне», «Ещё не туманушки» и другие).

Степень разработанности темы исследования

Методы сравнительного изучения вариантов поэтических текстов и напевов русских народных песен складывались с середины XIX века в собирательской деятельности П. В. Киреевского, нацеленной на создание полного собрания русских народных песен. Публикация свода поэтических текстов лирических песен с представлением вариантов осуществлена А. И. Соболевским в 1895–1902 годах. Первой крупной антологией, в которой содержатся варианты не только поэтических текстов, но и напевов, является вышедшее в 1889 году издание Н. М. Лопатина и В. П. Прокунина «Русские народные лирические песни».

Составителями сборника выделен ряд основных сюжетов лирических песен мужской певческой традиции («Горы», «Поле», «Степь Моздокская», «Не одна во поле дороженька», «Не вечерняя заря спотухала», «Эко сердце» и другие) и обозначена проблема сравнения напевов в их местных вариантах.

Издания XIX века включают несколько образцов лирической песни «Сон молодца» из различных губерний и областей России (преимущественно — без напевов).

Разработке методов «сравнительного песневедения» и изучению лирических песен по совокупности вариантов посвящены исследования и публикации 1904–1909 годов Е. Э. Линевой, которая считала необходимым выделять варианты по местности, варианты по времени записи и варианты, возникающие непосредственно в процессе исполнения песни. Рассматривая напевы, связанные с одним поэтическим текстом («Лучина, лучинушка», «Не одна в поле дороженька», «Весёлая беседушка»), она стремится к выявлению «вариантов-типов».

Изучению проблемы вариативности напевов народных песен в рамках локальных традиций посвящены исследования Е. В. Гиппиуса и З. В. Эвальд по результатам комплексных экспедиций Государственного института истории искусств на Русский Север 1920-х годов. Сопоставлению подлежат: а) варианты напевов, записанные в одной деревне, но от разных по возрасту исполнителей; б) варианты из соседних деревень; в) из различных волостей; г) варианты, записанные от группы «профессиональных» деревенских исполнителей в сравнении другими записями из той же деревни. Гиппиус обращает внимание на изменения мелодической стороны, которые могут быть как минимальными, затрагивающими отдельные попевок, так и существенными, основанными на обновлении интонационного строя песен, что влечет за собой трансформацию напевов. В репертуаре он выделяет лирические песни, имеющие локальное («местного происхождения»), региональное (бытующие «по всему Северу») и общерусское распространение.

В 1950-е годы В. Е. Гиппиус и В. М. Беляев проводят текстологический анализ вариантов лирических песен «Надоели ночи, надоскучили», «Не одна во поле дороженька» в процессе подготовки к переизданию сборников XIX века. Проблема поиска и реконструкции исторического прототипа лирических песен «Эко сердце», «Высоко сокол» представлена в научных статьях А. В. Рудневой 1970-х годов. Исследование лирических песен по совокупности вариантов также осуществляется в научных трудах Б. И. Рабиновича («Петербургская дорожка»), М. А. Енговатовой («Горы»), И. И. Земцовского («Скажите, мысли») и других.

В 1980-е годы при подготовке к изданию сборника «Устьянские песни» (Л., 1983–1984) А. М. Мехнецовым, Ю. И. Марченко, Е. И. Якубовской (Мельник) выделены лирические песни молодецкого цикла, имеющие общерусское значение и сложившиеся в связи с образованием временных воинских формирований XIV–XV веков, ватаг служилых людей, промысловых артелей, позднее — регулярной армии. В первом выпуске издания представлены характерные песенные типы молодецкой лирики, такие как: «Горы», «Отправлялся добрый молодец» и другие. Среди них приводится образец из Тарногского района Вологодской области

«Севодняшную ноценьку да мне-то малёшенько спалось», относящийся к вариантам песни «Сон молодца». В предисловии к изданию А. М. Мехнецов указывает на формульность мелодических оборотов в рассматриваемой группе лирических песен. Выявленные А. М. Мехнецовым признаки молодецких лирических песен находят подтверждение на материале фольклорной традиции Средней Сухоны.

Обозначенная проблематика разрабатывается Е. И. Якубовской в диссертационном исследовании «Образование вариантов в народной песенной традиции (на материале лирических песен Устьянского района Архангельской области)» (Л., 1985) и научных статьях. В трудах Е. И. Якубовской раскрываются особенности вариантов песен «Эко сердце», «Хороша молодёжь», «На родимой на сторонушке», «Развесёлы у милого глазки», «Соловьюшко» и других.

Выделению сюжетов и характеристике напевов лирических песен женской певческой традиции Северо-Запада России посвящен научный труд И. В. Корольковой «Лирические песни в традиционной культуре Северо-Запада России» (М., 2010). На экспедиционном материале она выявляет зоны распространения основных песенных типов «женской» лирики: «Горе», «Уж ты волюшка», «Нам не для чего в люди торопиться» и других. И. В. Королькова указывает на ряд особенностей музыкального стиля, свидетельствующих о принадлежности песен изучаемой группы к раннему историко-стилевому пласту.

Вместе с тем, по мнению некоторых исследователей, не во всех традициях возможно выделение молодецкой и женской лирики как самостоятельных жанровых групп. Изучение лирических песен мужской тематики в закамской фольклорной традиции, осуществленное М. А. Енговатовой, показывает, что тексты, относящиеся к единой тематической группе, исполняются на напевы разной стилистики. И. А. Никитина, анализируя распространенные на Мезени варианты песен, указывает на ведущую роль локальной специфики и подвергает сомнению тезис о непреходящем сходстве напевов, связанных с одним сюжетом.

Результаты исследования лирических песен в рамках региональных и локальных традиций народной музыкальной культуры излагаются в монографиях М. А. Енговатовой, Т. С. Рудиченко, Т. В. Дигун, а также в работах А. С. Кабанова, Г. Я. Сысоевой, К. А. Мехнецовой и других. Особенности певческой манеры и проблемы мужского исполнительства раскрываются в научных статьях В. М. Щурова, Л. П. Маховой.

Перечисленные научные труды вносят весомый вклад в изучение лирических песен с типологической, историко-стилевой и диалектно-стилевой позиций. Намеченные аспекты требуют дальнейшей разработки, расширения фактологической базы, привлечения новых материалов и совершенствования методов анализа. Одновременно следует отметить, что варианты песни с сюжетом «Сон молодца» специально не исследовались музыковедами и фольклористами.

Материалом исследования послужили документальные звукозаписи из фондов Фольклорно-этнографического центра имени А. М. Мехнецова Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова. В первую очередь, это лирические песни, записанные экспедициями Санкт-Петербургской (Ленинградской) государственной консерватории имени

Н. А. Римского-Корсакова в Вологодскую (1971, 1974 гг.), Архангельскую (1980–1981 гг.), Тверскую (1995 г.), Смоленскую (2006 г.), Кировскую (2012–2014 гг.) области, Ставропольский край (2006 г.), Краснодарский край (2008 г.). Донские песни представлены в стационарных записях, сделанных Б. М. Добровольским (1973 г.) и А. М. Мехнецовым (1977 г.) от А. И. Каргальского (уроженца станицы Каргальской Волгодонского района Ростовской области). В поле зрения автора входят материалы, собранные другими исследователями и переданные на хранение в архив Фольклорно-этнографического центра (Волгоградская область — записи В. В. Порвина, 1992 г.; Ростовская область — записи В. Н. Скунцева, 1983 г.).

В диссертации представлены также материалы, хранящиеся в архиве Научного центра народной музыки имени К. В. Квитки Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского (Чеченская Республика — записи А. С. Кабанова, 1968 г.; Тверская область — записи С. Н. Старостина, 1985 г.; Краснодарский край — записи Н. Н. Гиляровой, 2011 г.); в архиве Музыкально-этнографического центра имени Е. В. Гиппиуса Российской академии музыки имени Гнесиных (Краснодарский край — записи В. А. Капаева, 1975 г.); в архиве Научно-образовательного центра «Традиционная культура и фольклор Ульяновского Поволжья» Ульяновского государственного педагогического университета имени И. Н. Ульянова (Ульяновской область — записи М. Г. Матлина, 1983 г.), а также песни из Ставропольского края и Республики Ингушетия, записи которых находятся в личных коллекциях собирателей Ю. Е. Чиркова и Е. М. Белецкой.

Кроме указанных экспедиционных звукозаписей, исследованию подлежат образцы напевов и поэтических текстов из публикаций, начиная со второй половины XIX века и заканчивая современными изданиями. Всего в исследовании анализируется 107 поэтических текстов, 60 из них — с напевами.

Цель работы состоит в выявлении типологического родства и стилевого своеобразия вариантов лирических песен, связанных с тремя версиями сюжета «Сон молодца», в контексте региональных традиций.

В ходе работы решается **ряд исследовательских задач**:

- определение версий сюжета «Сон молодца» по совокупности вариантов песни; характеристика основных и дополнительных поэтических мотивов и формул;
- выявление типических свойств и стилевых особенностей напевов с учетом ритмических, мелодических, фактурных показателей и степени значимости внутрислогового распева;
- раскрытие типологических связей между группами напевов;
- картографирование поэтических текстов и напевов с целью уточнения границ отдельных очагов распространения лирических песен «Сон молодца»;
- оценка степени включенности напевов и поэтических текстов в региональные и локальные песенные традиции; раскрытие характерных для «музыкального диалекта» особенностей формообразования, мелодического развития, многоголосия, исполнительских приемов;

- выделение жанрово-стилевых признаков вариантов песен в связи с их принадлежностью к мужской и женской певческим традициям;
- историко-стилевая оценка вариантов песни «Сон молодца», установление связей песен с эпическими жанрами фольклора и ранним пластом лирики.

Научная новизна

Впервые исследование лирической песни по совокупности вариантов имеет столь обширную географию — учитываются все доступные в настоящий момент образцы, зафиксированные в разных регионах России. В работе уточняются принципы системного структурно-типологического анализа лирических песен. Разработан и внедрен метод определения степени значимости внутрислогового распева в лирических песнях.

В диссертации находит подтверждение гипотеза о музыкально-типологической преемственности вариантов напевов, проявляющейся на разных уровнях композиции; представлены условные типологические цепочки от образцов, обладающих простыми музыкальными характеристиками, до вариантов, относящихся к развитым формам широкораспевной лирики. Такой подход позволяет раскрыть общие закономерности структуры лирических песен, свидетельствующие о связях между изучаемыми фольклорными традициями.

На основе сравнительного изучения вариантов песен с третьей версией сюжета поэтического текста («Сон-описание убитого на чужбине молодца») выявлен ранее не исследованный общерусский песенный тип молодецкой лирики («Туманушки»), распространенный на обширной территории, включающей зоны проживания казаков: Воронежскую, Тверскую и Ульяновскую области. Кроме того, установлены очаги бытования песен с первой и второй версиями сюжетов, имеющие локальное значение.

В научный оборот вводится большое количество новых архивных источников в нотациях и текстовых расшифровках автора, что позволяет расширить представление о свойствах и многообразии лирических песен, имеющих общий сюжет.

Теоретическая и практическая значимость работы

Результаты исследования дают возможность уточнить принципы типологического изучения и стилиевой характеристики вариантов лирических песен, зафиксированных в регионах России. Объединение источников из различных архивов и публикаций XIX–XX веков позволяет проводить диахронное сопоставление вариантов, что служит базой для совершенствования методов выявления песенных типов лирики. Показательным для дальнейшей работы представляется опыт изучения вариантов поэтического текста и напева в их неразрывной взаимосвязи. Именно совокупность признаков на уровне поэтики и музыкальной стилистики дает основание для исторической оценки исследуемых вариантов песен и для выяснения обусловленности их свойств особенностями локальной и региональной певческих традиций.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования и развития ее положений в дальнейших исследованиях, касающихся вариантов лирических песен. Представленный в диссертации способ

определения степени значимости внутрислогового распева может быть применен к различным жанрам музыкального фольклора и певческим традициям. Его использование послужит объективным инструментом для выделения широкораспевных и малораспевных форм народных песен.

Результаты исследования станут основой для совершенствования учебного процесса и могут быть использованы для подготовки лекционных и практических занятий в рамках таких дисциплин, как «Теория музыкального фольклора», «Региональные певческие стили», «Текстология музыкального фольклора», «Поэтика фольклора» и других.

Методология и методы исследования

Методологической базой являются принципы системного типологического исследования народных песен во взаимосвязи всех элементов, которые раскрываются в работах В. Е. Гусева, З. Я. Можейко, Е. В. Гиппиуса, А. М. Мехнецова, при этом, по возможности, учитываются и внешние факторы, такие как приуроченность песни к той или иной ситуации, контекст исполнения, состав участников.

Структурно-типологический метод применяется для определения компонентов и выделения типических признаков песенной формы, выявления основы сюжета, моделирования мелодического, композиционно-ритмического, фактурного типов напевов. Группировка напевов по структурным показателям проводится с учетом положений, сформулированных К. В. Квиткой, Е. В. Гиппиусом, А. В. Рудневой, А. А. Баниным, Б. Б. Ефименковой, М. А. Енговатовой, Н. Н. Гиляровой, О. А. Пашиной и другими. Изучение интонационно-ладового строения базируется на методах, изложенных в трудах представителей Санкт-Петербургской музыковедческой школы (Б. В. Асафьева, Е. А. Ручьевской, Т. С. Бершадской, Ф. А. Рубцова). Текстологический анализ проводится с опорой на установки, разработанные Б. Н. Путиловым, Г. И. Мальцевым, В. И. Ереминой, Т. Г. Ивановой. В диссертационной работе на основе принципов, сформулированных А. М. Мехнецовым, осуществляется опыт выявления песенного типа по совокупности вариантов на основе определения главных («глубинных») типических свойств поэтического текста и напева. В диссертации прослеживается типологическая преемственность между образцами, относящимися к различным песенным традициям и стиливым пластам.

Музыкально-стилевая характеристика вариантов песен дается на «диалектном», историческом, жанровом уровнях. Историко-стилевая оценка вариантов лирических песен осуществляется на основе методических замечаний, изложенных в трудах Б. Н. Путилова, Ю. И. Смирнова, Г. И. Мальцева, А. М. Мехнецова, Е. И. Якубовской, И. В. Корольковой, Г. В. Лобковой.

Методы ареального исследования музыкального фольклора обозначены в многочисленных публикациях, посвященных изучению региональных и локальных традиций: это работы Е. В. Гиппиуса, В. М. Щурова, А. М. Мехнецова, В. А. Лапина, Е. А. Дороховой, Г. Я. Сысоевой, М. А. Енговатовой, Л. М. Белогуровой и других. Для раскрытия динамики распространения вариантов песен с сюжетом «Сон молодца» используется метод картографирования, главные

положения которого представлены в научных статьях К. В. Квитки, О. А. Пашиной.

В целях объективной оценки степени значимости внутрислогового распева, свидетельствующей о мелодической развитости (музыкально-ритмической насыщенности) вариантов напевов, в диссертации применяется новый метод определения коэффициента, указывающего на соотношение количества музыкально-ритмических единиц напева и количества слогов в строфе поэтического текста (в рамках слогоритмической модели, без учета избыточных компонентов текста). Число, полученное в итоге определения коэффициента, указывает на то, сколько музыкально-ритмических единиц мелодического распева приходится на один слог в среднем. Вычисление коэффициента значимости внутрислогового распева позволяет выделить две группы лирических песен — широкораспевные (коэффициент более 2, то есть на каждый слог приходится в среднем более двух музыкальных звуков) и малораспевные (коэффициент менее 2).

Положения, выносимые на защиту

1. Варианты песен с общим сюжетом «Сон-предзнаменование несчастливой судьбы (солдатства/гибели) молодца» имеют большое значение в культуре русского народа, распространены не только в среде казачества, но и на северно- и западнорусских землях — территориях исторически раннего расселения славян, что свидетельствует о принадлежности этих песен к исконному пласту фольклорных традиций.

2. Три версии сюжета, выявленные в результате сопоставления песенных текстов, отличаются набором поэтических мотивов, характером смыслового наполнения и изложения основного содержания. По содержанию песни могут быть отнесены к жанровым группам исторических, рекрутских, а также к ранним формам молодецкой лирики.

3. Система вариантов обладает свойствами исторической многослойности как на уровне поэтики, так и на уровне музыкального стиля. В текстах и напевах лирических песен с сюжетом «Сон молодца» обнаруживаются связи с эпическим наследием — былинами, духовными стихами, балладами (в севернорусских и казачьих традициях) или с календарно-обрядовым фольклором (в западнорусских традициях). Вместе с тем в большинстве вариантов (в основном в песнях с первой версией сюжета) доминирует лирическая форма повествования.

4. Типологические связи в напевах лирических песен с сюжетом «Сон молодца» прослеживаются на уровне отдельных компонентов музыкальной формы. С учетом типов ритмической композиции, ладовой организации и фактуры выявляется типологическая преемственность напевов: от вариантов, сохраняющих признаки раннего слоя, к образцам, представляющим собой развитые формы широкораспевной лирики, и, наконец, песням позднего историко-стилевого пласта. Наличие общего сюжета, связанного со столь разнообразным в музыкально-стилевом отношении материалом, свидетельствует о глубоких историко-культурных связях между изучаемыми песенными традициями.

5. Наибольшую целостность образует группа песен с третьей версией сюжета «Сон-описание убитого на чужбине молодца», тексты которых включают мифологический мотив слияния умершего человека с миром природы. На основе раскрытой типологической общности вариантов напевов, зафиксированных в традициях казачества, Тверской, Воронежской и Ульяновской областей, установлено, что данные образцы могут быть отнесены к единому песенному типу.

6. В качестве гипотезы высказывается предположение о том, что очагом исходного формирования песни «Сон молодца» является западнорусский регион. Записанные в этой традиции образцы содержат все три версии сюжета и принадлежат к раннему историко-стилевому пласту. В донских и терских вариантах с третьей версией сюжета песенная форма достигает высшей степени развития. В ульяновских и терских вариантах (вторая версия сюжета), относящихся к периферии зоны распространения песен «Сон молодца», прослеживаются черты поздней стилистики.

Соответствие диссертации паспорту специальности 17.00.02

Исследование соответствует следующим пунктам специальности 17.00.02 — Музыкальное искусство: п. 6 — Этномузыказнание (фольклористика), п. 10 — Теория и история музыкального языка (выразительных средств музыки).

Степень достоверности и апробация результатов

Достоверность полученных результатов подтверждается широтой фактологической базы исследования, систематичностью отбора материала и последовательностью применения методов исследования. Диссертационная работа обсуждалась на заседаниях кафедры этномузыкологии Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова. По теме работы был сделан ряд докладов на научных конференциях, в том числе: «Лирические песни с сюжетом “Сон-предзнаменование несчастливой судьбы молодца” в региональных традициях России» (Международная научная конференция «Традиционная музыкальная культура: проблемы междисциплинарного изучения», Москва, 2013); «Соотношение мужской и женской певческих традиций на примере вариантов лирической песни с сюжетом “Сон — предзнаменование несчастливой судьбы молодца”» (Международная научная конференция «Традиции народной культуры: проблемы изучения, сохранения, восстановления», Вологда, 2013); «Песни разинского цикла: историко-стилевая характеристика» (вторая Всероссийская научно-практическая конференция студентов и аспирантов, Санкт-Петербург, 2013).

Основные научные результаты диссертации представлены в шести публикациях общим объемом 5,1 п.л., три из которых опубликованы в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Структура исследования обусловлена ее целями и задачами. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка сокращений и условных обозначений, списка литературы (207 наименований) и приложений. Общий

объем диссертации — 234 страницы (без приложений), 296 страниц (с приложениями).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается выбор темы и ее актуальность, выясняется степень научной разработанности проблемы, определяются предмет и объект, цель, задачи и методы исследования, формулируются основные положения, выносимые на защиту, раскрывается научная новизна работы, ее теоретическая и практическая значимость, даны сведения, подтверждающие соответствие диссертации специальности 17.00.02 — Музыкальное искусство и свидетельствующие об апробации работы.

Первая глава **«Поэтическое содержание вариантов лирических песен “Сон молодца”»** посвящена сравнительному изучению вариантов поэтических текстов лирических песен, выявлению основных версий сюжета и сопоставлению поэтических мотивов.

1.1. Общая характеристика сюжета, выделение версий

Три версии сюжета «сон-предзнаменование несчастливой судьбы (солдатства/гибели) молодца» различаются последовательностью событий, описываемых во сне, их толкованием и общим характером повествования:

1) В песнях, воплощающих первую версию сюжета, смысловой акцент приходится на мотив «толкование сна», связанный с эмоциональными переживаниями героя. Краткое определение данной версии — «Сон-предзнаменование солдатской службы, сиротства/вдовства родных». Входящие в эту группу образцы песен по тематике причислены к рекрутской лирике; в них раскрываются семейные отношения: «молодец — матушка (наречение долей)», «молодец — девица (жена и дети)».

2) Варианты поэтических текстов со второй версией сюжета принадлежат к группе молодецких/казацких (песен воинского быта) либо исторических песен. На первый план в них выступают предсказание гибели молодца-казака-воина и идея неотвратимости судьбы. В зафиксированных от уральских казаков вариантах песен главным героем повествования становится Степан Разин. Вторая версия будет кратко обозначена как «Сон-предзнаменование гибели молодца/казака/Степана Разина».

3) В третьей версии молодец видит во сне самого себя погибшим. Большое место в повествовании уделяется мифологизированной идее смерти как растворения в природе. Эта версия сюжета поэтического текста также характерна для жанровой группы молодецких лирических песен, однако в образе воина отсутствуют героические черты. Условно определим эту версию как «Сон-описание убитого на чужбине молодца».

Варианты песен, относящиеся к первой версии сюжета, распространены в северном и западном регионах России, а также на территории Кировской и Ульяновской областей. Песни, в текстах которых раскрывается вторая версия сюжета, встречаются в основном в районах проживания казаков, но также были записаны в Смоленской области. Группа песен с третьей версией сюжета представлена единичными образцами, зафиксированными на обширной

территории: варианты записаны от донских, терских, оренбургских (в том числе уральских) казаков и казаков-некрасовцев, а также в Тверской, Ульяновской, Воронежской областях.

1.2. Поэтический мотив «сообщение о недобром сне» (начальный мотив в трех версиях сюжета)

Поэтический мотив «сообщение о недобром сне» является ключевым для данного сюжета, служит одним из его опознавательных признаков. В подразделе приводится сравнительный материал, указывающий на сходное значение поэтических мотивов «вещего сна» в более ранних в историческом отношении жанрах: былинах, духовных стихах, свадебных песнях. Обозначенные параллели позволяют сделать вывод об исконности и большой значимости поэтического мотива «сообщение о недобром сне». В вариантах песни «Сон молодца» данный поэтический мотив приобретает окраску, связанную с эмоциональным состоянием героя и относится к области лирического повествования.

1.3. Сон-предзнаменование и его толкование (в первой и второй версиях сюжета)

В вариантах песенных текстов большое место занимает блок поэтических мотивов описания сна как определенной последовательности символических событий, в которых угадывается будущее несчастье. Логика построения блока мотивов в первой и второй версиях сюжета «Сон молодца» представлена в подразделе 1.3.1. Сопоставление поэтических текстов позволяет сделать вывод о том, что набор мотивов и формул оказывается различным: если вторая версия сюжета базируется на символике и иносказательности, то первая приближается к сфере эмоционально-окрашенного повествования о реальных действиях, приводящих к беде.

В подразделе 1.3.2 раскрывается семантика поэтических формул, описывающих события, привидевшиеся во сне; выявляются формулы, имеющие повсеместное распространение и формулы, выступающие маркерами локальных традиций. Варианты песни со второй версией сюжета, записанные на Смоленщине и от терских казаков, предположительно, относятся к наиболее ранним в отношении поэтики – характер повествования в этих текстах объективирован, в них содержатся описания древнего воинского вооружения. В поэтических текстах, записанных от донских и кубанских казаков, возникает историческая многослойность: в основной сюжет вплетаются реалии нового времени, упоминаются элементы казачьего снаряжения, характерные для XVIII–XIX веков.

В подразделе 1.3.3. сопоставляются поэтические мотивы толкования сна. В вариантах текста в роли толкователя сна может выступать «родна маменька» или «старая старушечка», что указывает на общность с былинами. Во многих случаях сам молодец выступает в качестве толкователя сна, и повествование приобретает индивидуализированный, личностный характер («раздумье-размышление молодца»). В двух вариантах песни со второй версией сюжета, записанных от уральских казаков, центральным действующим лицом становится Степан Разин, недобрый сон которого толкуется есаулом как предсказание гибели казаков и самого предводителя.

В диссертации высказывается предположение о том, что в целом вторая версия сюжета «Сон молодца» возникла ранее XVII века, а имя Степана Разина «вошло» в уже сформировавшийся текст позже. Варианты поэтических текстов с первой версией сюжета, вероятно, образовались на основе текстов второй версии не ранее начала XVIII века в связи с повсеместной актуализацией темы воинской повинности (рекрутчины).

1.4. Сон-предвидение смерти молодца (в третьей версии сюжета)

Третья версия сюжета включает иной центральный поэтический мотив, который построен на описании убитого молодца: в устойчивой последовательности формул раскрываются мифологические представления о смерти как слиянии человека с миром природы. В ряду обнаруженных вариантов выделяются образцы из Тверской области, которые содержат наибольшее количество поэтических формул, при этом повествование в них ведется от третьего лица. В песнях, записанных от терских, донских и некрасовских казаков, количество формул сокращается, а повествование переходит в сферу субъективного. В оренбургских вариантах содержание мотивов описания сна значительно изменяется и имеет реалистичный характер.

Во второй главе — «**Варианты напевов лирических песен “Сон молодца” с первой и второй версиями сюжета в системе западнорусских фольклорных традиций**» — напевы из Бельского района Тверской области (далее — «бельские») и Смоленского района Смоленской области (далее — «смоленские») сопоставлены и охарактеризованы с точки зрения музыкального стиля и включенности в традиции региона.

2.1. Композиционно-ритмическая организация смоленских и бельских напевов

В смоленских и бельских вариантах напевов, связанных соответственно со второй и первой версиями сюжета «Сон молодца», проявляются различия на уровне слогоритмики (периоды с силлабической организацией стиха – 7+5 или 7+7 слогов в строке), композиции (строфические или однострочные структуры с выделенным зачином) и степени значимости внутрислогового распева. Бельские варианты имеют развитую мелодику, содержат вставки-возгласы, свидетельствующие о доминировании лирического начала. Смоленские образцы можно считать исторически более ранними, поскольку они воплощают базовые ритмические структуры, опираются на декламационный принцип слогапроизнесения.

2.2. Мелодические, ладовые и фактурные особенности смоленских и бельских напевов

В ладовом и мелодическом отношении смоленские и бельские напевы типичны для западнорусской песенной лирики. Для них характерны простые диатонические ладовые структуры. Несмотря на различный амбитус (от кварты до сексты), мелодический контур попевок и процесс появления опорных тонов в напевах совпадают, что позволяет говорить об их близости между собой. Все напевы имеют четырехчленную мелодическую композицию. Многоголосие относится к гетерофонии унисонного типа.

2.3. Своеобразие исполнительского стиля: соотношение мужской и женской манеры пения

Бельские и смоленские варианты лирических песен с сюжетом «Сон молодца» не выделяются в общем, характерном для западнорусских традиций массиве лирических песен с доминирующими признаками календарно-обрядовой стилистики. Смоленские напевы, связанные со второй версией сюжета, оказываются ассимилированы в традиции женского исполнительства. Бельские варианты с первой версией сюжета обладают рядом признаков, указывающих на связь с мужской певческой манерой. Это удастся доказать, сопоставляя их со звукозаписями мужского пения, которые имеются в экспедиционных коллекциях.

Историко-стилевая оценка рассматриваемых образцов лирических песен свидетельствует об их включенности в ранний пласт песенных традиций западнорусского региона.

В третьей главе «**Варианты напевов лирических песен “Сон молодца” с первой версией сюжета, распространенные на Русском Севере и в Кировской области**» характеризуются напевы локального значения, имеющие самостоятельные ареалы распространения: «северодвинский», «кокшеньгский», «бабушкинский» «печорский», «камско-вятский».

3.1. Композиционно-ритмическая организация севернорусских и камско-вятских напевов

На обозначенной территории, так же как и в западнорусских традициях, выделяется два родственных, но самостоятельных композиционно-ритмических типа напевов: строфические с двенадцатисложной цезурированной структурой (7+5 слогов), отличающиеся стабильным количеством слогов в стиховой строке, и одностиховые (с запевом), имеющие четырнадцатисложную структуру (7+7 слогов). Особенностью последних становится подвижный слогочислительный показатель. Действие тонического принципа организации оказывается вторичным, накладывается и значительно усложняет ритмическую структуру, усиливая повествовательную функцию напева. Между тем десятисложная основа стиха, выявленная на глубинном уровне, также сближает рассматриваемые напевы с эпическими жанрами — былинами, балладами и духовными стихами Русского Севера.

В связи с фиксацией в традициях Русского Севера и Камско-Вятского Междуречья родственных напевов в двух темповых версиях — «медленной» и «скорой», появляется возможность сделать наблюдения, касающиеся процессов формирования протяжной формы на примере вариантов одной песни. Определение коэффициента значимости внутрислогового распева дает одно из объективных оснований выделения двух групп лирических песен: к широкораспевным относятся кокшеньгские и печорские варианты; к малораспевным — бабушкинские, северодвинские и камско-вятские напевы.

3.2. Мелодические, ладовые и фактурные особенности севернорусских и камско-вятских напевов

Напевы каждой из пяти обозначенных локальных традиций отличаются в музыкально-стилевом отношении. В соответствии с особенностями мелодического строения и лада в подразделе 3.2.1 выделены четыре группы

напевов: от простых, узкообъемных к сложным, широкого диапазона, с временным смещением основной опоры лада на квинту вниз. В подразделе 3.2.2 обозначены различные типы фактуры, характеризующие напевы по степени их связи с местной певческой традицией: от гетерофонии унисонного типа к развитым формам гетерофонии, основанным на параллельном движении голосов с периодическим образованием аккордовых созвучий.

Сопоставление вариантов в подразделе 3.2.3 дает представление о процессах мелодического разрастания и структурного усложнения напевов, позволяет сделать предположение о существовании исторически более ранних образцов лирических песен, в которых преобладает повествовательный тип интонирования, и более поздних вариантов, опирающихся на закономерности собственно лирического, эмоционально окрашенного музыкального выражения.

Несмотря на мелодическое и фактурное разнообразие, исследуемые в данной главе варианты лирической песни «Сон молодца» обнаруживают черты общности. Сравнение строфических напевов позволяет проследить типологическую преемственность музыкальных форм и сделать предположение о путях миграции песни в северном и восточном направлениях.

3.3. Жанрово-стилевые особенности севернорусских и камско-вятских напевов: связь с локальными традициями

Наблюдения над жанрово-стилевыми особенностями песен «Сон молодца» показывают, что признаки молодецкой лирики наиболее полно представлены в печорских образцах. Для этих песен характерны развернутые музыкальные построения, появление дополнительных вставок (слогов, междометий, повторов слова или его частей), преобладание поступенного движения над опеванием, сложная структура лада.

В других локальных традициях Русского Севера и Кировской области варианты песни «Сон молодца» были зафиксированы только в женском исполнении. На примере имеющихся в экспедиционных коллекциях образцов других, записанных от мужчин, песен выявлены характерные исполнительские приемы, такие как: «сбросы» дыхания, периодически возникающее скандирование текста, повторение протяженных гласных в напеве, возникновение дополнительных слогов («огласовок») путем прибавления гласных, наличие цезуры в напеве и прочие. Перечисленные стилевые признаки находят отражение в вариантах северодвинского, кокшеньгского напевов, связанных с сюжетом «Сон молодца». Это объясняется тем, что данная песня в связи с содержанием поэтического текста в традиции воспринималась как мужская, и женщины, исполняя напев, стремились к воссозданию особенностей мужской манеры пения. Превалирование черт женского певческого стиля в наибольшей степени наблюдается в бабушкинских и камско-вятских напевах.

В четвертой главе — «**Варианты напевов лирических песен “Сон молодца” со второй версией сюжета, бытующие в фольклорных традициях казачества**» — выделяются три самостоятельные группы напевов: «донские», «кубанские» и «терские» (уральский вариант не рассматривается в силу неполноценности слуховой фиксации).

4.1. Композиционно-ритмическая организация казачьих напевов

Донские и кубанские напевы представлены развернутыми одностиховыми композициями и сходными слогоритмическими моделями (силлабические структуры, состоящие из четырех слоговых групп: 4+8+4+7 и 4+6+4+5 слогов в стиховой строке). Особенностью вариантов, зафиксированных от донских казаков, является большая степень развитости внутрислоговых распевов, в связи с этим происходит увеличение количества слогов в слоговых группах и укрупнение длительностей во второй половине мелостроки. Показательным признаком напевов, относящихся к кубанским традициям, становится большая стабильность и обособленность слоговых групп, что указывает на доминирование силлабического принципа организации: мелодические и внутрестиховые цезуры совпадают, возникают паузы, разбивающие строку на части.

Терские варианты напевов значительно отличаются от донских и кубанских: имеют двустиховую строфическую композицию; в слогоритмической структуре обращает на себя внимание силлабо-тонический принцип организации (8+7 слогов в стиховой строке). При этом количество слогов в полустишиях непостоянно, внутрислоговые распевы в данных вариантах незначительны, ритм слоγοпроизнесения полностью выравнивается.

На территории проживания донских казаков фиксируются как широкораспевные, так и малораспевные версии напева, что свидетельствует о разнообразии и активном состоянии песенных традиций. Кубанские варианты относятся к группе широкораспевных, однако их протяжная форма возникает благодаря межслоговым вставкам-возгласам. Терские варианты напевов являются малораспевными; усложнение композиции в них происходит за счет повтора строки.

При сопоставлении композиционных и ритмических принципов организации вариантов напевов, бытующих в традициях казаков, обнаруживаются две различные тенденции формообразования — стремление к непрерывности и слитности мелодического потока или, напротив, тяготение к предельной четкости и ясности («членораздельности») музыкально-поэтической речи посредством маркирования границ отдельных звеньев. Доминирование мелодического начала и сквозное развитие напевов характерны для донских образцов, что роднит их с севернорусскими традициями. Кубанские, напротив, обнаруживают общие закономерности образования протяжной формы с вариантами, записанными в западнорусских традициях. Терские напевы отличаются упрощенностью структуры и соотносятся с певческими традициями уральских казаков. Лаконичные в отношении распева, они выходят за пределы жанра лирической протяжной песни и обнаруживают сходство со строевыми (в связи с мерностью ритма и делением композиции на равные по времени отрезки).

4.2. Мелодические, ладовые и фактурные особенности казачьих напевов

В подразделе 4.2.1 исследуемые варианты казачьих напевов, связанные со второй версией сюжета «Сон молодца», отнесены к трем самостоятельным мелодическим типам: «донскому», «кубанскому» и «терскому». Донские и кубанские напевы имеют сложную структуру лада и сходные попевок, звучащие в определенной последовательности. Однако если в донской песенной традиции

преобладает линейный принцип развития, то в кубанских образцах система взаимосвязей тонов и созвучий во многом подчиняется логике гармонических отношений. Терские напевы не имеют очевидных связей с донскими и кубанскими, хотя в их основе также лежит сложная структура лада, что обусловлено принадлежностью этих вариантов к мужской певческой традиции.

Локальная специфика проявляется наиболее ярко в фактурных особенностях напевов (подраздел 4.2.2). В вариантах, записанных от донских казаков, дишкант функционально самостоятелен. Он выделяется благодаря особой тембровой характеристике и ведет собственную мелодическую линию, которая сходится в октавный унисон с партией нижнего голоса в узловых точках напева (зоны изменения основной ладовой опоры, заключительный тон). Важным показателем служит относительная ритмическая свобода дишканта. В фактуре кубанских напевов более значимым является нижний голос; верхний выделяется тембрально, но с функциональной точки зрения в большинстве случаев представляет собой терцовую втору. В ритмическом отношении голоса, как правило, не обособлены. В многоголосии терских казаков роль основной мелодически выразительной партии выполняет верхний голос, часто солирующий, к которому подстраивается нижняя партия в форме бурдонного подголоска, имеющего гетерофонные расхождения.

В пятой главе — **«Варианты напевов лирических песен “Сон молодца” с третьей версией сюжета, имеющие общерусское распространение»** — представлены образцы, записанные от донских, терских, оренбургских казаков, казаков-некрасовцев, а также напевы из Тверской, Ульяновской и Воронежской областей.

5.1. Принципы композиционно-ритмической организации напевов, связанных с третьей версией сюжета

Все рассматриваемые варианты напевов, связанные с третьей версией сюжета, широкораспевны, имеют развернутую однострочную композицию и характеризуются наличием сходных слогоритмических структур, основанных на сочетании силлабического и тонического принципов организации стиха.

В тверских и некрасовских образцах строка поэтического текста состоит из трех слоговых групп (6+6+8 или 6+6+7 слогов в строке), которые дополнительно отделяются друг от друга вставками-возгласами либо паузами. В терском и оренбургском вариантах ритмическая структура состоит из четырех слоговых групп (5+7+6+5 и 5+7+5+5 слогов в строке соответственно). При сопоставлении слогоритмических моделей прослеживается типологическая преемственность между напевами: можно предположить, что две самостоятельные слоговые группы во второй части строки терского и оренбургского напевов образованы в результате расширения и усложнения трехчленной структуры. В образце, записанном в Воронежской области, и в донском варианте также выделяются четыре слоговые группы, однако музыкально-временные параметры напевов масштабнее: наблюдается укрупнение слогонот и разрастание второй слоговой группы, происходящее под воздействием мелодического начала. Сглаживание и упрощение исходной ритмической структуры в ульяновском варианте напева свидетельствует о его принадлежности к более позднему стилевому слою.

5.2 Особенности ладового и мелодического развития напевов, связанных с третьей версией сюжета; характеристика фактуры

Изучение ладовых и мелодических особенностей напевов, связанных с третьей версией сюжета «Сон молодца», позволяет выявить их общность. В развитии большинства образцов ключевое значение имеет характерный нисходящий мелодический оборот в среднем разделе формы, приводящий к смещению основной опоры лада на кварту вниз. На уровне мелодической композиции возникает трехчленность с контрастной средней частью и варьированным повтором начального раздела.

В типологическом отношении прослеживается историческая динамика изменений напевов. Варианты, записанные в Тверской области и от казаков-некрасовцев, наиболее просты с точки зрения композиции, ладовой организации и многоголосия (гетерофония унисонного типа). В оренбургском, терском, воронежском, ульяновском образцах ведущее значение принадлежит мелодическому развитию, что приводит к разрастанию и усложнению всех компонентов структуры. Варианты имеют гетерофонную фактуру, нижние голоса которой по звучанию напоминают бурдонный подголосок. Донской вариант еще более развит в мелодическом отношении, но нотация А. М. Листопадова имеет условный характер, поэтому однозначно определить форму многоголосия невозможно.

Перечисленные признаки напевов в совокупности с устойчивым содержанием поэтических текстов позволяют рассматривать выявленные образцы песен с третьей версией сюжета «Сон молодца» («Сон-описание убитого на чужбине молодца») как варианты одного песенного типа («Туманушки»), который обладает общерусским значением и распространен на значительной территории.

Диалектно-стилевые особенности вариантов с третьей версией сюжета «Сон молодца» выражены в меньшей степени, нежели в других группах песен, рассмотренных в главах 2–4. Возможно, близость напевов оренбургских, терских и донских казаков обусловлена условиями их бытования в рамках воинской службы, вдали от дома. В этой связи объяснимы отличия вариантов, не относящихся к традициям казачества: их свойства в большей степени регламентированы локальной традицией, в которой они существуют. Особенности напева, зафиксированного от казаков-некрасовцев, находят объяснение в длительном обособленном существовании данной группы казачества.

Заключение

Изучение лирических песен на основе совокупности вариантов, связанных с единым сюжетом «Сон-предзнаменование несчастливой судьбы (солдатства/гибели) молодца» («Сон молодца»), показало, что по поэтическому содержанию и музыкально-стилевым особенностям эти песни обладают как общими, так и самобытными свойствами, обусловленными их укорененностью в различных этнокультурных традициях (региональных и локальных). Представленные в диссертационной работе варианты отличаются большим разнообразием: выявлено три версии развития сюжета и около 20 различных по структуре напевов, распространенных на территории европейской части России.

Варианты песен зафиксированы в трех обширных географических зонах, удаленных друг от друга на значительное расстояние: 1) западнорусские территории — Тверская, Смоленская области; 2) Русский Север — Архангельская, Вологодская области, Республика Коми; Кировская область; 3) районы проживания казаков, расположенные на южных рубежах — Ростовская, Волгоградская области, Краснодарский, Ставропольский край, Чеченская Республика, Республика Ингушетия, Оренбургская губерния. Отдельные поэтические тексты и напевы, встречаются за пределами обозначенных территорий (Ульяновская, Псковская области; Воронежская, Пермская губернии). Это свидетельствует о том, что ранее песня имела более широкое бытование.

В диссертации раскрывается историческая многослойность системы вариантов песен, связанных с сюжетом «Сон молодца». Все выделенные версии сюжета содержат поэтические мотивы, адресующие нас к былинам, балладам и духовным стихам. В особенностях музыкального стиля прослеживается связь с эпическими формами повествования. Эти признаки указывают на раннее происхождение песен, подтверждая, что их истоки лежат в глубинных пластах русской народной культуры.

Вместе с тем на песенные формы оказывают влияние исторические процессы, под действием которых происходит изменение функционально-смысловых акцентов не только в поэтических текстах, но и в напевах. Так, тексты вбирают в себя реалии той или иной эпохи, в них упоминаются конкретные исторические персонажи. Во многих образцах лирическое начало становится доминирующим, эпическое уходит на второй план. В напевах, обогащенных протяженной выразительной мелодикой, наблюдается последовательное усложнение ритмической структуры. На позднем этапе совершается обновление стилистики текстов, композиционно-ритмической и ладовой организации напевов, прослеживаются признаки силлабо-тонического стихосложения. Большим разнообразием отличается фактура выявленных вариантов песни, и в связи с этим отмечается движение от гетерофонии унисонного типа к развитым формам гармонически опосредованного многоголосия.

На примере рассматриваемых вариантов и версий удастся выстроить условную историческую цепь постепенных изменений музыкально-поэтической формы, при этом учитываются все компоненты: поэтический текст, композиционно-ритмические закономерности, принципы ладовой и мелодической организации, тип фактуры, степень значимости внутрислогового распева.

Песни, связанные с третьей версией сюжета поэтического текста «Сон молодца», заслуживают особого внимания, поскольку имеют широкую географию распространения и в то же время устойчивость типологических признаков, что позволяет отнести выявленные варианты к единому песенному типу общерусского значения. В ходе исследования установлена типологическая преемственность между вариантами, свидетельствующая о последовательном усложнении структуры исходно общего напева.

Песни со второй версией сюжета по музыкальным характеристикам не могут быть отнесены к песенному типу, обозначенному выше, либо выделены в самостоятельный песенный тип. Варианты напевов этой группы значительно

отличаются друг от друга и в большой степени проявляют зависимость от певческого стиля той или иной традиции. Каждый из представленных напевов (смоленский, донской, кубанский, терский) имеет свой локальный ареал распространения. При этом сходство между донским и кубанским образцами свидетельствует об их общем происхождении.

В отношении напевов, связанных со второй и третьей версиями сюжета, прослеживается общность на уровне отдельных компонентов музыкальной формы. И если подобие фактуры, ладовых и мелодических особенностей лирических песен вполне объяснимо их принадлежностью к одной локальной традиции (сравним жарковские и смоленские, а также терские варианты двух версий), то близость ритмической организации напевов, имеющих разную территориальную принадлежность, свидетельствует об их типологическом родстве. Например, очевидно сходство ритмики ульяновского напева, связанного с третьей версией сюжета, и кубанского и донского напевов, со второй версией сюжета.

В песнях с первой версией сюжета «Сон молодца» в рамках каждой певческой традиции выявлено несколько самобытных вариантов напевов. Некоторые из них сохраняют признаки раннего музыкального стиля, другие варианты более развиты по мелодике и фактуре. Большинство напевов данной группы (кроме печорских) испытывают значительное влияние женской певческой традиции, доминантной на Севере и Западе России (на момент фиксации песен), и обладают своей особой стилистикой. Только печорский напев в полной мере демонстрирует свойства мужской лирики и обнаруживает родство с терскими и донскими напевами (по типу фактуры, принципам мелодической и ладовой организации).

По совокупности признаков в качестве гипотезы в работе высказывается тезис о том, что исходным очагом формирования песни являются традиции Смоленской и Тверской области. В пользу этой гипотезы свидетельствуют особенности поэтики, структурные и мелодические свойства напевов, характер многоголосия, присущие раннему историко-стилевому пласту, а также наличие всех трех версий поэтического текста на близких территориях.

Наиболее развитые формы лирического высказывания представлены в донской традиции, характерными признаками напевов которой служат динамика и насыщенность мелодики, обильные внутрислоговые распевы, приводящие к предельному усложнению структуры. К периферии зоны распространения песен «Сон молодца» относятся ульяновские и терские варианты (вторая версия сюжета), в которых проявляются черты позднего историко-стилевого пласта.

В результате исследования выясняется, что отдельные общие показатели свойственны всем рассматриваемым вариантам песен с сюжетом «Сон молодца», что свидетельствует о глубоких историко-культурных связях между изучаемыми песенными традициями. Типологические связи прежде всего прослеживаются на уровне ритмической организации: обнаруживается совпадение ритмических структур в образцах, относящихся к разным традициям. Так, силлабическая структура стиха 7+5 слогов и связанная с ней слогоритмическая модель образуют основу двустиховых строфических форм в смоленских, бабушкинских,

омутнинском, афанасьевских, верхнекамских, печорских напевах. Структура 7+7 всегда является одностиховой и объединяет бельские, тарногские, верхнетоемские, виноградовские варианты. Общность ритмических структур наблюдается в ульяновском, донских и кубанских, а также в жарковских и некрасовских образцах.

Напевы из Смоленской, Тверской, Кировской, Вологодской (кроме тарногских), Архангельской (кроме печорских) областей, а также записанные от казаков-некрасовцев основаны на простых узкообъемных (квартовых или квинтовых) структурах. Однократная смена главного опорного тона в процессе мелодического развития, только намечающаяся в ряде вологодских и тверских образцов, становится отличительным признаком тарногского, печорского, кубанского, терского (2-й и 3-й версии), донского (3-й версии), оренбургского, ульяновского мелодических типов. Чрезвычайно сложными оказываются донские напевы, связанные со 2-й версией сюжета, сложносоставные ладовые структуры которых характеризуются многократным смещением основной опоры лада, сопровождающейся сменой состава звукоряда и ладового наклона. При сопоставлении образцов в такой последовательности наблюдается не только усложнение структуры лада, но и постепенное расширение диапазона от кварто-квинтовых напевов к октавным, построенным на сцеплении двух пентакордов (с захватом децимы), — печорским, терским и донским вариантам. Наиболее развернутыми являются кубанские и донские образцы, амбитус которых достигает ундецимы.

Таким образом, общий фонд структурных и стилевых элементов, характеризующих напевы, связанные с тремя версиями единого сюжета, свидетельствует об общих истоках и музыкально-языковом единстве рассматриваемых песенных традиций. Значительная разница между вариантами песен объясняется тем, что к моменту фиксации они, во-первых, оказались на разных исторических стадиях развития, во-вторых, испытали большое влияние местного певческого стиля.

Результаты исследования позволяют вернуться к неоднократно затрагиваемой проблеме о связях между севернорусскими, западнорусскими и казачьими традициями, а также о соотношении между песнями различных казачьих войск. Дальнейшие исследования в этом ключе могут быть связаны с изучением других групп лирических песен с единым сюжетом, что позволит подтвердить или уточнить выявленные закономерности исторического развития песенных традиций России.

Список работ, опубликованных автором по теме диссертации

Публикации в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации

Иванова, М. Н. Варианты лирической песни «Сон молодца» в фольклорных традициях Смоленской и Тверской областей: жанрово-стилевая специфика /

М. Н. Иванова. — Текст : непосредственный // Традиционная культура. — 2017. — № 4 (68). — С. 18–29.

Иванова, М. Н. Лирическая песня «Сон молодца» в фольклорных традициях России: результаты типологического изучения / М. Н. Иванова. — Текст: непосредственный // *Orega musicologica*. — 2020. — Т. 12. № 2. — С. 42–62.

Иванова, М. Н. Музыкально-стилевые особенности вариантов лирической песни «Сон молодца» / М. Н. Иванова. — Текст : непосредственный // Музыка. Искусство, наука, практика. — 2019. — № 2 [26]. — С. 55–64.

Другие публикации

Иванова, М. Н. Варианты лирических песен с сюжетом «сон — предзнаменование несчастливой судьбы молодца» в региональных традициях России: особенности поэтики / М. Н. Иванова. — Текст : непосредственный // Музыкальный фольклор в полевых записях, архивных документах, композиторской и концертной практике : Материалы VI Международной научной конференции памяти А. В. Рудневой / редактор-составитель Е. В. Битерякова. — Москва : Научно-издательский центр «Московская консерватория», 2021. — ISBN 978-5-89598-419-2. — С. 69–82. (Научные труды Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского; сб. 88).

Шейченко, М. Н. Особенности напевов духовных стихов Беломорья в записях Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН / М. Н. Шейченко. — Текст : непосредственный // Фольклорные традиции Севера и Северо-Запада России: ареальные исследования в контексте этнокультурных взаимосвязей: Сборник статей по материалам Всероссийской научной конференции (27–30 сентября 2014 года) / научный редактор: Г. В. Лобкова. — Санкт-Петербург : Скифия принт, 2016. — ISBN 978-5-98620-219-8. — С. 238–250.

Шейченко, М. Н. Лирические песни Афанасьевского района Кировской области / М. Н. Шейченко. — Текст : электронный // Культура РФ. URL: <http://www.culture.ru/objects/489> (дата обращения: 20.03.2019). — Режим доступа : свободный.